

АНТОН БАХАРЕВ

поэзия
открытия

НЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Антон Павлович Бахарев
Нежный человек
Серия «Новые стихи.
Актуальная поэзия (Эксмо)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41852368
Нежный человек: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-109144-6

Аннотация

На Северном Урале есть таёжная трёхвековая деревушка Бахари. «Бахарь» означает «сказочник» и «говорун». Поэт Антон Бахарев – из этого затерянного уголка. Но его истории – не лубочные сказки. Это путешествие по собственной судьбе, в котором люди, кванты и звёзды вдруг складываются в живой заповедный космос.

«Мне нужна какая-то деталь, от которой всё пойдёт», – размышляет поэт. Необычно звучащее слово. Или человек, который чем-то «зацепит». «Эта деталька – слово, событие, картинка – как маленький спусковой крючок <...> Случается, что мне расскажут историю, и из неё получается стих».

Антон Бахарев

Содержание

Об Антоне Бахарева	6
«Лето: ничего личного...»	9
Про велик	10
«Уходя по гонобобель...»	12
Гроза	14
«...И там, где нет ноги моей...»	15
«Там, где вижу отраженья...»	17
«Нашёл я оброненный в августе ножик!..»	18
«Скучно тащится по Каме...»	20
«Посередине года – солнце...»	22
«Ни разу не слышал свирели. Свирели...»	23
Нежный человек	24
Иван-чай	26
«То ли снегирь взорвался...»	27
«...И вновь песчаная дорога...»	28
Тохтуево	29
Северная элегия	31
Огонь к огню	34
Малой	35
«Я куплю себе всё купе...»	37
«Снилось мне, что я иду по дну...»	38
«Я помню, хариус коптился...»	39
«Лежу в земле по всей стране...»	40

Мазурик	41
Герой	42
«Снег сошёл – заборы, лавки...»	44
«В недетской страсти третий лишний...»	45
«Просыпаешься: дождик. А ты...»	46
«Глядя в бинокль на переливающуюся звезду...»	47
«Птичка еле видная летит...»	48
«Так всё обыденно и просто...»	49
«Над полусном заныл комар...»	50
«Поедем в деревню...»	51
«Здесь неразлично дно колодца...»	53
Южная элегия	54
«Водопроводная вода...»	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Антон Бахарев

Нежный человек

© Бахарев А., 2020

© Сидякина А.А., предисловие, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Об Антоне Бахарева

Об Антоне Бахарева есть соблазн сказать: потомок Пушкина по тютчевской линии. Но, во-первых, эти слова уже отданы другому поэту. Во-вторых, с момента их написания прошла лавина времён, полная всего-всего. В-третьих, это попросту нескромно. Хотя, при чём тут скромность? И всё же стихи Бахарева являют собой тот случай, когда поэтическая реальность отменяет иерархические табу и историко-культурные закономерности. В них вопреки постмодернизму и разного рода обстоятельствам действительно живёт традиция классической русской поэзии.

Впрочем в его поэтической ДНК много разных нитей: и Есенин, и Рубцов, и Пастернак, и Решетов, и лагерная баллада. Звучат даже отдельные мотивы из Кальпиди: «Ходит смерть в запачканном халате, / Наводя везде привычный шмон» (А.Б.) «Смерть – приходящая уборщица в какой-то униформе темной» (В.К.), хотя явной близости нет.

...Его герой мужественен и гармоничен. Он не оплакивает ни мир вокруг себя, ни себя в мире – при том что расчёрненным своим зрением способен видеть и в землю, и в небеса, и в историческую мглу. Его мир парадоксально закончен и завершён. Потому и живуч, что насквозь обитаем. Формальные очертания, поверхности этого мира образованы пушкинской просодией, классической строфикой и точны-

ми рифмами. И это не игра, не подражание и не пародия, всё всерьёз. Поэтическая миссия принимается согласно завещанному: глаголом жечь. Видеть и помнить. И до остервенения писать. С горькой иронией сознавая свою никчёмную беспомощность: «Меня б давно послали к чёрту, / Не будь для них я «сука, Пушкин!» Уже далеко не наше всё, но последняя точка, зависшая над словом. В опоре на неё поэт заново создает свет и тьму. Затем неизбежно стирает между ними границу.

...В стихах Антона Бахарева сложился свой устойчивый поэтический мир. У него есть географические очертания – это пермский север (Вишера, Губаха, Соликамск). Его ландшафты топорщатся тайгой и стылými реками, он населён лесными зверюгами и людьми, чей поселковый быт, чья укромная жизнь всё так же вписаны в перспективу исторической мглы, в пейзаж сиротства и заброшенности. Твердь земли забита живой пузырящейся памятью, купол небес – условными знаками высоты. Восемь лет назад я бы сказала, что онтологические оппозиции в мире Антона Бахарева образуют прочное сферическое единство, в котором силлабо-тонический логос русской поэтической речи противостоит хаосу и распаду. И вот теперь, вдруг, сказав это, я поняла, что же в нём изменилось.

А вот что: лирический герой закончил строительство и заселение своего мира. Он – остановился. В кинематографе есть популярный приём – расширенный стоп-кадр, когда

остановленное мгновение наделяет режиссёра неограниченной властью: он может повернуть движение вспять, он может разорвать причину и следствие, что угодно – макрообраз времени образует внутри себя параллельное пространство.

Антон Бахарев останавливает мгновение, чтобы вытянуть из небытия и втащить в неизбежность происходящего то, без чего наш мир трагически неполон: незримое прошлое и неочевидное будущее.

Анна Сидякина, из рецензий на публикации

«Лето: ничего личного...»

Лето: ничего личного –
Лето перенасыщено
Шумными листьями, тыщами
Истин различных.

Осень: ничего лишнего –
Единоличная истина,
Осень почти божественна –
Но беспомощна.

Мысли зимы болезненны,
Меланхолические истины
В теле очеловечены –
И беспочвенны.

А по весне бессмысленны
И обезличены истины,
Почва – очеловечена.
В мире ничего вечного.

Про велик

Помню, было мне семь лет,
Мама
Подарила велик мне,
«Каму»,
В масле весь и со звонком –
Что ты! –
Новый велик у меня, с катафотом!

И я стал среди больших –
Равным!
И мужские на локтях
Травмы –
Всем на зависть пацанам
Прочим...
Я на велике с утра и до ночи!

Говорил я: «нипеля»,
«Щепка»,
И трещала в колесе
Щепка,
Прямо в ванной мыл его,
Дома,
Мазал велик каждый день солидолом.

Что мне «Школьник» и «Урал»
(Рама!) –
Лучше в мире не найти
«Камы»!
На четвёртый свой этаж
Велик
На руках таскал я сам, еле-еле!

...Но однажды, среди дня
Прямо,
Кто-то взял – обворовал
«Каму».
Как хватило у него
Духу?
Все барашки открутил и сидуху.

Как я плакал-горевал,
Бедный...
С той поры прошло лет сто,
Верно.
Нету велика. Жена.
Скука.
До сих пор ведь не простил я ту суку.

«Уходя по гонобобель...»

Уходя по гонобобель
с небольшим, на час, лукошком –
заверни в клеёнку карту,
соль возьми, котёл и спички;
крепко-накрепко избу запри –
и каждое окошко
закрести, заговори –
как будто к чёрту на кулички
ты уходишь на полжизни;
кто расскажет, где придётся
шастать – ёрзая душою,
заражённой звёздным зудом,
по планете; с кем приспичит
коротать солёным пудом
нескончаемые зимы;
и когда идти – на вёслах,
на ходулях, под сурдинку,
по башкам, на вы, на помощь;
поперёк земной орбиты,
перепутав полдень, полночь;
по пещерам и сквозь грозы,
по пустыне и на льдине...

Уходя по гонобобель,

не забудь о карабине.

Гроза

Воздух вспух – и ринулся вон;
лес, разноголовьем косматым
шевелия, рванину ворон
в пламенные угли заката
сбросил; и наполнился ветер
шумом и сверканием листьев,
вперемешку; и в пересвисте
проводов рассыпался веер
искр; и над неистовым лесом,
где клубилась грозная сила,
вдруг свилась и книзу, отвесно,
треснула слепящая жила;
И... Прошло! Прошло стороной!
Лишь ошеломлённые избы
прошептали: «Боже ты мой...» –
и глядят с немой укоризной.

«...И там, где нет ноги моей...»

...И там, где нет ноги моей
земли почувствовать опору
пустого места, и то в гору
уводят россыпи камней,
а то в дремучие долины
по склонам катятся ручьи,
швыряя камни; где лучи
на перекрестьях троп звериных
сквозь кроны воткнуты во тьму
глазниц белеющих скелетов;
где растопить не может лето
в ущельях снег и потому
уходит снова стороною,
ничто не требуя взамен;
и остаётся вновь зиме
кружить над строгою странюю
и кутать грозные хребты
в свои торжественные шубы,
рядить в парадные тулупы
кедровой свиты их ряды;
и где замешкавшихся птиц
зима безжалостно и честно
хватает на лету за сердце
и в тишине бросает вниз...

Там ни единого нет места
душе почувствовать земли
опору. Потому вдали
хребты чарующе отвесны
и упоительна тоска

долин безмолвных, и в печали
так сладко умереть в начале
простого птичьего броска.

«Там, где вижу отраженья...»

Там, где вижу отраженья
чаек – чайки видят рыбок;
рыбки чувствуют движенье
чаек; мир подводный зыбок;
мир небесный – постепенен,
облака растут и тают,
испаряет солнце тени;
рассыпают чайки стаи;
серебрятся рыбки в небе,
облаков хватают крошки.

Ошалевшей чайки трепет.
Синева и звон немножко.

«Нашёл я оброненный в августе ножик!...»

Нашёл я оброненный в августе ножик!
Где кучу порезанных шляпок и ножек
Оставил, корзину свою перебрав.
Там нету ещё ни грибов и ни трав,
Но все обозначились наши дорожки!
А в погребке тесно проросшей картошке,
Как в теле слежавшемся тесно душе.
(Но это – про душу – банально уже)

И скоро народы пойдут в огороды!
Мужчина вонзает лопату в породу,
Жена его роется в прошлой ботве,
А дети картошку бросают – по две.
Но бабка следит и ругает лентяев –
Мол, дедушка не был таким вот слюнтяем,
Мол, вот был хозяин – в дому, в гараже.
(Но это – про дедушку – грустно уже)

И будет огромное светлое лето!
Приклеит деревни река изолянткой
К бескрайнему лесу, покосам, полям –
И жизнью наполнится наша земля.
Хоть полнится смертью... А в августе бабку

Мы следом за дедом схороним. И зябко
Так станет в осеннем дожде на душе.
(И это – про осень – понятно уже)

«Скучно тащится по Каме...»

Скучно тащится по Каме
Теплоходик с пермяками.
Ветер морщит гладь реки,
Замерзают пермяки.

А по берегу, по Каме,
Пьянь гуляет с кулаками –
И сжимает кулаки,
Дураками дураки.

То ли дамы с господами,
То ли бабы с мужиками,
Тоже ходят вдоль реки,
Поправляя парики.

Дети бегают по Каме
С разноцветными шарами.
Ветер морщит гладь реки,
Шарик рвётся из руки...

Если вечером над нами
Вдруг прокатится цунами –
То останутся на Каме
Только шарик с облаками.

«Посередине года – солнце...»

Посередине года – солнце.
А по краям – снега, снега...
Год – наподобие колодца
В душе. Белеют берега.

Позёмки стылые струятся
И пеленают сонный взгляд.
И остаётся потеряться –
Там, где июльские горят

Часы, минуты и секунды,
Где пепел улетает вверх
И укрывает снега груды –
И тает снег.

«Ни разу не слышал свирели. Свирели...»

Ни разу не слышал свирели. Свирели
Как будто бы в небе весеннем дрожали.
Свирели как будто бы разоружали,
А мы как по нотам – зверели. Зверели
В бессильной тоске по покою,
Зверели как следствие собственной смерти.
Свирели срывались, сверлили как смерчи,
Я верил во что-то такое – такое,
Что тоже зверел, поднимаясь по нотам
К весеннему небу, как будто впервые.
Стараясь меж выдохами в перерыве
Вцепиться хотя бы в кого-то, в кого-то.

Нежный человек

Летняя прохлада,
Оттепель зимой...
Нам так мало надо:
Небо над землёй
И земля под небом;
Только и всего –
Не растаять летом,
Не застыть зимой.

Человеку есть чем
Пить и есть чем есть –
Чтобы было вечно
Тридцать шесть и шесть,
Но июль взорвётся,
Но сожмёт январь –
И под носом звёзды
Видит божья тварь.

Будто нету неба,
Будто бездна – тут,
Будто в ветках вербы
Космосы растут,
И вселенский холод
Мир сковал навек...

И лежит – расколот –
Нежный человек!

Иван-чай

Иван-чай стоит на Иване,
Упираясь корнями в плечи:
«Папка, папка, давай повыше!
Там же дяденька к нам пришёл!
Он сегодня натопит баню,
Станет ножкам твоим полегче,
И крапиву порубит на крыше –
Заживём мы с тобой хорошо!»

И Иван поднимает сына
Что есть силы: «Зови, сыночек!
Пусть тебя к моей Марье сносит,
Я-то вовсе уже старик...»
А кругом нарывает малина,
Земляника тайком кровоточит.
И неслышно о чём-то просит
Ослепительный детский крик.

«То ли снегирь взорвался...»

То ли снегирь взорвался,
То ли рябины плакали,
То ли пропойца плевался,
То ли избитыми лапами
Кот наследил – не ведаю.
Вижу деревья голые,
Тропку окровавленную,
Мальчик идёт в школу.

«...И вновь песчаная дорога...»

...И вновь песчаная дорога
Меня уводит в сонный бор,
Где сосны в солнечных потоках
Молекулярный соль-минор
Во мхи серебряные сыплют;
И где, неистов – и незыблем,
Раскинул волны океан,
Корнями свитый на века.

Где под ногами шёпот рыбин –
В холодной, чёрной глубине,
Меж якорей и донных рытвин,
Они, навек окаменев,
От скуки овладели речью.
И, если вспомню, то отвечу
Я им на том же языке,
Зажав чешуинку в руке.

Тохтуево

Я не жил в селе Тохтуево,
Но скажу определённо я:
Жизнь в селе – одноимённая.
Не спасает даже курево.

Шпарят шахты соликамские –
Лес кругом, а не надышишься.
Но народ и с этим свыкшийся,
Пьёт по праздникам шампанское.

Между праздниками – водочку,
Между водочками – химию;
Дети англиш учат: he, me, you...
Что не так? – захлопни форточку.

Эй, тохтуевцы – ату его!
Топоры по Волге плавают –
Железяки, только ржавые.
Стопудово из Тохтуева.

У тебя подошва слабая?
На фуфайке нету пуговиц?
Ты, наверное, тохтуевец.
Я, пожалуй, то же самое.

И, подвигав переносицу,
Мы завяжем на три месяца –
И столица переместится
К Соликамску за околицу.

Северная элегия

Хмыри, хмыри, хмыри, хмыри...
Глаза откроешь и закроешь –
Со стаканом чумазый кореш,
Чабоном делится: «Кури!»

Раскисший берег. Март, апрель...
И сажа валится с котельной.
И Саша валится, отдельно
От Вани, в лодку, как в постель.

Всё тут же: клуб и магазин,
Каркас конечной остановки.
И на велосипеде, ловкий,
С одной ногой рыбак один.

Он будет, только сгонит лёд,
Стоять в реке с утра до ночи:
Два колеса, нога, комочек
Червей, клюёт и не клюёт.

Кентавр наших дней, навек
Прирос он к велику, и даже
Он из портрета стал пейзажем;
И, в общем, каждый человек –

Не человек, а так, топляк,
Что головой в воде качает;
И лец его не отличает
От валунов и от коряг.

...Мой путь как дерево ветвист:
От корня – ствол, дороги, тропки,
Дрожащий лист, потом короткий
Взмах ветра – и на землю вниз.

Где, сжаты створками зари,
Её кровавым перламутром,
Ещё видны, ещё окурком
Последним делятся хмыри.

И где сутулый силуэт
В реке, как будто знак вопроса...
Его стирает ночь. Так просто
Обозначая свой ответ.

Но я пока ещё ползу
По ветке, и пока не с краю,
Я в памяти перебираю
И узнаю всех по лицу –

Ивана, Сашу, рыбака –
В промозглом ветреном апреле...
И пепел сыплется с котельной,

И живы мы ещё пока.

Огонь к огню

Такая ночью в печке тяга,
Что страшно вылететь в трубу –
Как в космос врежешься, бедняга,
И рухнешь со звездой во лбу.
А рассказать потом кому-то
О зимней ночи – засмеют:
«Ну что за печка, звезданутый?
Теперь беспечен наш уют».
Но я-то знаю, я-то помню,
Как рвался мой огонь к огню,
А космоса огонь бездомный
Ночами бился в дверь мою!

Малой

Передо мной стоит малой
И говорит, блестя соплёй:
– Эй, ёптель, угости-ка сигаретой!
– А ты не мал? – Ты чё, блатной? –
Плюёт малой. – Да нет, родной.
Я не блатной, но сигареты нету.

Малой живёт вдвоём с отцом,
Отец бухает и спецом –
Проходчиком колымит по сезону.
И хоть он ходит молодцом,
Конец не сходится с концом.
А деда привезли сюда на зону.

И дед был тоже не блатной,
Он загремел по бытовой,
Зашёл в барак, ему: «А ну-ка, фраер,
Давай махорочку, чудной!»
А он им: «Сёдня выходной»
Его и запинали за сараем.

Но он поправился. Потом
Амнистия. Поставил дом
Недалеко, не мудрствуя лукаво.

С женой, скотом и животом
Прожил. И умер. Но притом
Себе потомка вырастил на славу.

Теперь потомок наравне
С отцом, на той же глубине,
Ворочает камнями всё лето.
А сын потомка в ноги мне
Опять плюёт. И в стороне
Закуривает, сука, сигарету.

«Я куплю себе всё купе...»

Я куплю себе всё купе –
И поеду вот так на юг.
Чтоб в вагонной не преть толпе,
Не бояться детей и ворюг.

И меня назовут «буржуй»,
А скорее – «Такой урод!».
А я даже в сортир не схожу,
Не хочу я ходить в народ.

Всё равно человек – один,
Хоть обнимется весь вагон.
И всё дальше край холодин –
С перегона на перегон.

«Снилось мне, что я иду по дну...»

Снилось мне, что я иду по дну,
Что вдыхаю пасмурную воду,
Как туман в октябрьскую погоду,
На земле, которой не верну.

Озираясь в поиске людей,
Вижу рыб, скрывающих зевоту.
Будто знают рыбы – никого тут,
Им вода в две стороны видней.

И они не плавают за мной,
И из рук моих не ускользают.
Будто рыбы всё на свете знают,
Будто я им тоже не впервой.

«Я помню, хариус коптился...»

Я помню, хариус коптился –
И белый дым лежал огромно,
А с облаков срывались птицы,
А из реки кивали брёвна,
И лето, в скомканной зевоте,
На крыши прыскало из нёба,
И люди в сонном самолёте
На рыбный дым глядели в оба,
Твердя в тревоге и печали:
«Горят, горят леса отчизны!»
Но, засыпая, улетали;
И оставались тропки, избы,
А из реки кивали брёвна,
А с облаков срывались птицы –
И продолжался мир укромный,
В котором хариус коптился.

«Лежу в земле по всей стране...»

Лежу в земле по всей стране,
По городам, по деревушкам –
За свет, за дыры на броне
И просто так, ни за понюшку.

А по земле хожу не я –
Идут моими же ногами
Те, о которых говорят:
«Они давно уже не с нами».

Мазурик

Не знаю фамилию, имя,
Помню кличку – Мазурик.
Пальцы в шрамах и «Приме».
Наверное, нынче жмурик.

А мог намахнуть литру,
Бревно закатить на крышу.
Носил круглый год свитер.
Наверное, весь вышел.

Родился, не пригодился.
Ограбил, убил, сдался.
А срок отмотал – спился.
Наверное, волновался –

Когда говорил: «Надо ж,
И прожил своё Мазурик...» –
И в чёрных губах ландыш
Крутил на фоне лазури.

Герой

Герой отважный, мускулистый,
Герой летающий, железный,
Зелёный, синий, серебристый,
Нарядный, с дамами любезный...

А мой герой – он забулдыга,
Он матерится на соседку,
С женой дерётся за бутылку
И пьёт сердечную таблетку.

Он режет лес на пилораме,
По воскресеньям рыбу ловит
И раз в полгода ходит к маме.
Там напивается – и воет.

Его выводят из оградки
Герои нашего посёлка:
Один бьёт с сотни куропатку,
Другой в три взмаха валит ёлку.

Я среди них – герой четвёртый!
Несу закуску и чекушку.
Меня б давно послали к чёрту,
Не будь для них я «сука, Пушкин».

Они мне часто говорили,
Плечо отхлопав чёрной лапой:
«Пока нас на хер не зарыли,
Пиши, пожалуйста, патлатый...»

И я пишу, чего от боли,
Чего от радости и горя...
И над землёй летят герои.
И под землёй лежат герои.

«Снег сошёл – заборы, лавки...»

Снег сошёл – заборы, лавки
Вон из глины, вкривь и вкось:
Не выносит стылой давки
То, что врыли на авось.

И что вкопано на славу,
Не бежит хромой судьбы:
Как беспомощные травы,
Гнутся дюжие столбы.

Лишь, пожалуй, на погосте
Нет надёжней глубины:
Из земли не лезут кости –
Только надписи видны.

«В недетской страсти третий лишний...»

В недетской страсти третий лишний,
Стою, горяющий подросток,
И жадно рву ночные вишни
Под фонарём в селе Покровском.

А где-то в городе далёком
Свернулась девочка в калачик,
Ей невозможно одиноко,
Она в подушку слёзы прячет.

Ей суждено моей любовью
Стать посреди февральской выюги,
Но впереди у нас обоих
Ещё пятнадцать лет разлуки.

«Просыпаешься: дождик. А ты...»

Просыпаешься: дождик. А ты
Никуда, в общем, не собирался.
Обвалилась на пол мошкара вся,
А в сенях фонареют коты.
Греешь чаю – чтоб стало тепло.
И признав, что немного обидно,
Прилипаешь к окошку – где видно
Свет заплаканный через стекло.

«Глядя в бинокль на переливающуюся звезду...»

Глядя в бинокль на переливающуюся звезду,
Я ждал дня, чтобы снова сбежать с пацанами
За гаражи и железную дорогу – где, как цунами,
Песчаный обрыв. И сосны. И до сих пор жду –
Не то вспоминая, не то придумывая слова,
Которые так явственно и невероятно
Говорила вылезшая из облаков огромная голова,
Говорила громко и непонятно.

«Птичка еле видная летит...»

Птичка еле видная летит
В вышине, как пулька из рогатки.
Ей, как пулке, не упасть обратно,
У неё такой на землю вид!
А у нас – апрельские ручьи,
Наперегонки несутся спички,
И шумит за лесом электричка,
И копёр настойчиво стучит
В бездну, с девяти и до пяти...
Достучится. Свистнет электричка.
Птичка улетит, утонет спичка.
Пулька упадёт – но не найти.

«Так всё обыденно и просто...»

Так всё обыденно и просто –
Деревья, мокрая трава,
И в анорачке не по росту
Ты руки прячешь в рукава.
А сапоги – с тремя носками,
Под капюшоном красный нос.
И мы шагаем с туесками
За земляникой под откос.
Гроза, огромная, как остров,
За горизонт, гремя, ползёт...
Так всё обыденно и просто –
И так невероятно всё.

«Над полусном заныл комар...»

Над полусном заныл комар –
Надсадный знак начала лета! –
И так обрадовало это:
Я разметался, как кальмар,

И звал: «О, вестница тепла,
Цеди меня, младая самка!» –
И выгибалась наизнанку
Моя рубиновая мгла...

А с утренним кукареку,
Объятый солнечным пространством,
Я к насекомому подкрался –
И припечатал к потолку.

«Поедем в деревню...»

«Поедем в деревню,
Поможем хоть бабке:
Подрежем деревья,
Потяпаем грядки,
Нельзя же всё лето
Просиживать в чатах,
Порадуем деда,
Покажем внучаток!»

Вот так и сказали
Родители Тане,
Боясь на вокзале
Девичьих рыданий.
Но Таня спокойна
И радостна даже,
Проворной рукою
Пакует поклажу:

Ведь, помнится, был там,
У клуба на танцах,
Громила и дылда,
С глазами испанца!
Ещё – у соседей
Племянник поджарый,

На велосипеде,
На всякий пожарный.

«Здесь неразличимо дно колодца...»

Здесь неразличимо дно колодца
И хрустят ракушки на зубах,
Южное безоблачное солнце
Вялит падаль кошек и собак.
Не дыша проходишь, как андроид,
К улице, где дом твой и твой сад –

И стекает с крыши рубероид,
И цветы безумные стоят!

Южная элегия

На лавочке у МСО,
Где завершался моцион
Пацанский наш – под фонарём
Два алкаша сидят втроём.

Они кивают пустоте –
Ушедшей то ли по статье,
А то ли вовсе на века –
Не разберёшь издалика.

Но чтобы лучше рассмотреть,
Не подходи к ним и на треть,
Там есть особая черта,
Где не поможет ни черта.

Где, расцелованный в лицо,
Ты вроде с ними пьёшь винцо –
Но так же ясно, словно днём,
Они виднеются вдвоём.

«Водопроводная вода...»

Водопроводная вода
Всегда немного впереди нас:
Она сгущается на минус,
Когда ещё не холода.

И вот её казённый хлор,
И сладкость ржавого железа –
А ты лишь кожицу порезал,
Проверив бритвенный набор...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.